

Майкова Екатерина Павловна

Как началась моя жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екатерина Павловна М.**
Как началась моя жизнь / Майкова Екатерина Павловна – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 140 с.

ISBN 978-5-519-94695-7

ISBN 978-5-519-94695-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ня къ себѣ и заняться моимъ воспитаніемъ. Это было въ Малороссіи, куда тетя переселилась, выйдя замужъ. Какъ теперь помню прекрасное, умное лицо дяди, густые, сѣдые волосы, которые онъ носилъ откинутыми назадъ; взглядъ у него былъ нѣсколько строгъ; высокій открытый лобъ и большой ростъ придавали ему величавый видъ; но когда онъ улыбался, — что-то очень мягкое и доброе сквозило въ этой улыбкѣ. Помню, что я очень боялась, когда онъ глядѣлъ иногда сурово и сдвигалъ брови; конечно, это случалось тогда, когда онъ бывалъ недоволенъ мной, но только этимъ и выражалось его неудовольствіе; вообще же онъ очень рѣдко сердился, а между тѣмъ, всѣ — не я одна — очень боялись заслужить этотъ строгій взглядъ. Дочери его (ихъ было четыре) всѣ уже были большія дѣвушки; больше всѣхъ я полюбила Софью. Она была не очень красивая собой, но большіе черные глаза смотрѣли всегда такъ ласково и сама она была такая добрая, что, бывало, я не отходила отъ нея; дядя, который нѣжно любилъ эту дочь, объявилъ, что поручаетъ меня исключительно ей. Соня, — какъ она велѣла мнѣ себя звать — была общая любимица; не только люди, но даже и домашніе звѣри любили ее; американская

собачка Стелла, бѣгавшая, конечно, за всѣми и бравшая отъ всѣхъ кусочки булки, все-таки преимущественно проводила время подлѣ Сони и спала у нея на постели. Каждая изъ дочерей должна была поочередно цѣлую недѣлю заниматься хозяйствомъ, заказывать обѣдъ, разливать чай, колоть сахаръ, записывать счета въ заведенную для этого книгу. Ни одна изъ нихъ такъ усердно не занималась хозяйствомъ, такъ ласково не обращалась съ гостями, такъ радушно не угощала ихъ, такъ хорошо не знала вкусы каждаго изъ нихъ, какъ моя милая Соня. Недѣля ея дежурства по хозяйству всегда отличалась большимъ оживленіемъ и гостей было всегда больше. На дежурной, кромѣ хозяйственныхъ заботъ, еще лежала обязанность помогать матери занимать гостей; другія дочери могли сидѣть или не сидѣть въ гостиной. Домъ, въ которомъ жило это семейство, былъ большой, каменный. Не могу не упомянуть о большой залѣ, по которой я ужасно боялась проходить вечеромъ; когда меня, чтобы отучить отъ страха, заставляли раза три проходить по этой залѣ въ темнотѣ, я дико озиралась... Меня особенно пугала на стѣнѣ одна картина, изображающая женщину съ головою въ одной рукѣ и

ножомъ въ другой... Какъ часто днемъ, по цѣлому часу, я, вскарабкавшись на стулъ, пристально смотрѣла на эту картину и оторваться не могла отъ этой отрубленной головы; она-то и заставляла меня больше всего бояться быть въ залѣ безъ свѣчей, и когда, по приказанію дяди, я проходила въ потьмахъ по залѣ, я не смѣла оглянуться на эту картину: мнѣ такъ и казалось, что нарисованная женщина гонится за мной. Долго спустя, когда, уча священную исторію, я дошла до того мѣста, гдѣ говорится объ Юдиѣ, отрубившей голову Олоферну и этимъ избавившей свой народъ отъ рабства,—я узнала, какая женщина изображена на картинѣ, но почему-то все-таки не переставала бояться нарисованной отрубленной головы, хотя еще съ большимъ вниманіемъ рассматривала эту картину днемъ. Кромѣ этой картины, были тутъ двѣ огромныя, во всю стѣну, картины, написанныя масляными красками. Это были мои любимыя, потому что изображали: одна множество разсыпанныхъ цвѣтовъ на столѣ, другая—всевозможные фрукты. Глядя на нихъ, мнѣ всегда очень хотѣлось ихъ съѣсть и я желала, чтобы они вдругъ превратились въ настоящіе.

Мебель въ этой залѣ была не темнаго дерева, а была окрашена бѣлой краской съ золотыми полосками; такую мебель я потомъ видала въ старыхъ загородныхъ дворцахъ. Обита она была темнорозовымъ атласомъ, кое-гдѣ порваннымъ, къ не малому моему удовольствію, потому что я любила выдергивать оттуда волосъ. Въ залѣ была глубокая ниша; тутъ по вечерамъ всегда собиралось все семейство; дяденька раскладывалъ пасьянсъ, тетуська и ея дочери работали, а я помѣщалась за спиной у дяди, и подлѣ меня Стелла. Это было мое любимое мѣсто; и выглядывала изъ-за спины на карты и выжидала, когда дядя позволить мнѣ стронть изъ нихъ домики, которые онъ всегда сдувалъ, чуть только мнѣ удастся построить довольно высокій. Къ чаю обыкновенно пріѣзжалъ мой отецъ, если только былъ свободенъ, и тутъ-то начиналось мое веселье, потому что онъ очень меня баловалъ. Очень не любила я, когда пріѣзжали гости: тогда я должна была отправляться въ дѣтскую, — мнѣ никогда не позволяли быть при гостяхъ; да еще всегда горе было уходить спать въ девять часовъ: рѣдко, рѣдко удавалось мнѣ остаться до ужина и то развѣ по настоянію дяди, который, въ видѣ награды, позво-

лялъ мнѣ это. Всѣ возставали противъ этого; даже моя милая Соня находила, что ребенку такія отступленія вредны, хотя сама же за ужиномъ подблудывала мнѣ побольше пирожнаго.

Подлѣ залы была круглая комната, вся въ нишахъ; ниши эти расписаны были лозами и кистями винограда; тутъ стоялъ рояль и старшая дочь (которую я звала черной розой — такая она была, смуглая брюнетка) часто пѣла отцу. Сколько я помню, у нея былъ отличный голосъ, — лучше чѣмъ у сестеръ. Онѣ всѣ пѣли, а старшая, кромѣ того, отлично играла на фортепіано, и къ нимъ ѣздилъ учитель музыки. Всѣ дочери были отлично образованы; говорятъ, сама мать воспитала ихъ, безъ помощи гувернантокъ, и это неудивительно: тетенька сама была очень умная и образованная женщина, да и дядя также. За этими комнатами были комнаты дѣвицъ; я спала въ одной изъ нихъ, а подлѣ былъ маленькій переходъ въ другую, классную комнату, и въ этомъ переходѣ стоялъ мой шкафчикъ съ книгами; тутъ же были игрушки и здѣсь, на полу, я играла въ куклы и шила для нихъ. Разъ въ мѣсяцъ Соня перебирала свои комоды: это былъ настоящий для меня праздникъ, такъ какъ въ этотъ

же день я получала отъ нея множество ненужныхъ ей лоскутковъ, и горе мнѣ было, когда оказывалось, что я не заслуживала ихъ почему нибудь: или лѣнилась, или дурно себя вела. Я тогда не получала лоскутковъ уже до слѣдующей уборки въ комодахъ Сони. Нужно было видѣть, сколько терпѣнія и кротости было у этой дѣвушки! Я не помню отъ нея неласкаваго слова, а между тѣмъ, какъ часто случалось, что я, бывало, не знаю урока, или выскочу изъ класса, пока ея нѣтъ въ комнатѣ, и убѣгу въ садъ, а оттуда къ дядѣ въ кабинетъ — просить позволенія не учиться въ этотъ день, въ чемъ онъ никогда не отказывалъ, и у него были вѣчные споры съ дочерью изъ за меня. Иногда я слышала ихъ и подразнивала Соню, говоря, что, если не захочу, и не стану въ такой-то день учиться. Сколько разъ она мнѣ запрещала это дѣлать, говорила, что это огорчаетъ ее, но я все не слушала. Разъ какъ-то задала она мнѣ выучить главные города въ Европѣ, а сама ушла изъ классной: я взяла бумаги, написала безъ линеекъ письмо къ дядѣ, сбѣгала въ буфетную за хлѣбомъ, изъ него сдѣлала облатку, запечатала письмо, въ которое просила у дяди позволенія не учиться и весь день гулять;

потомъ пошла въ комнату, гдѣ стоялъ рояль, выглянула въ окно; подъ нимъ, на скамейкѣ, лежалъ дядя; онъ любилъ это мѣсто и я была увѣрена, что найду его тамъ. Кажется, онъ дремалъ, потому что не замѣтилъ, какъ я изъ окна бросила къ нему свое письмо; сдѣлавъ это, я убѣжала. Сердце у меня сильно билось; я чувствовала, что дѣлаю дурно противъ Сони, но никакъ не могла удержаться, придумавъ такой оригинальный способъ выпросить себѣ свободный денекъ. Пожалуй, подумаешь, что меня много учили каждый день? нисколько: полтора часа утромъ и часъ послѣ обѣда. Я стала посреди залы и съ трепетомъ ждала отвѣта на свою просьбу; на балконѣ показалась Соня и я увидѣла, что въ рукѣ у нея мое письмо; я вся покраснѣла и не могла тронуться съ мѣста.

— Ты просила у дяди позволенія сегодня не учиться, Катя, — сказала она, подходя ко мнѣ: диди въ восторгѣ отъ твоего письма и позволяетъ тебѣ то, объ чемъ ты просишь.

Я не знала, что отвѣчать: такъ мнѣ было стыдно передъ Соней.

— Что же ты не идешь въ садъ? поди, благодари дядю. Я ему сказала, что для того, чтобы

избавить тебя отъ частыхъ просьбъ, ты не будешь совсѣмъ учиться. Я думаю, ты этому очень рада?.

— Мнѣ только хотѣлось сегодня, отвѣчала я робко, не поднимая глазъ: а завтра я буду учиться.

— Не надо. Я тебѣ сказала, Катя, что такія просьбы огорчаютъ меня, и теперь не стану тобой заниматься: ты можешь цѣлый день дѣлать все, что тебѣ угодно.

Соня повернулась и ушла; я все продолжала стоять на одномъ мѣстѣ.... Мнѣ было еще стыдно... я хотѣла броситься за Соней, просить прощенья.... но почему-то не пошла за ней, а глядѣла, какъ она шла по дорожкѣ, опустивъ голову, и наконецъ скрылась изъ виду. Я вышла тоже въ садъ и сѣла на ступенькѣ балкона; играть мнѣ не хотѣлось—и куклы, и картинки—все мнѣ было гадко; передъ глазами такъ и стояла Соня; мнѣ стало досадно на себя и я побѣжала съ балкона. Начала было рвать на лугу цвѣты и опять сейчасъ же мнѣ пришло въ голову, какъ я буду теперь смотрѣть на Соню? да и на ея мать, и на сестеръ, — онѣ вѣдь уже теперь все это знаютъ.... мнѣ чудилось, какъ онѣ всѣ будутъ надо мной смѣяться, особенно Нида,— та всегда дразнить больше всѣхъ. Ис-

каты защиты у дяди — я уже ни за что не хотѣла, да и врядъ-ли самъ онъ похвалить то, что я надѣлала противъ Сони. Вотъ вижу я — накрываютъ на столъ, скоро мнѣ нельзя будетъ отъ нихъ спрятаться, вотъ меня ищутъ, я слышу свое имя, и все не иду; наконецъ, одна изъ сестеръ увидала меня и засмѣялась: скрываться было уже нельзя и я бросилась, надувшись, мимо нея въ столовую. Какъ я очутилась за столомъ — не помню. Когда я подняла глаза, всѣ уже ѣли супъ и разговаривали — слава Богу! — не обо мнѣ. Мало по малу я успокоилась и принялась обѣдать. Я знала, что при дядѣ мнѣ ничего не будутъ говорить, и поэтому старалась быть какъ ни въ чемъ не бывало, только на Соню старалась не смотрѣть. Послѣ обѣда я уже совсѣмъ успокоилась, только замѣтила, что Соня избѣгаетъ разговора со мной; я и тутъ не унывала, думая, что завтра утромъ пойду въ классную, какъ обыкновенно, и она надо мной сжалятся. Настало утро. Каково же было мое удивленіе, когда горничная подала мнѣ другое платье, не то, въ которомъ я всегда училась... Я надѣла его и пошла пить чай. Лидя была дежурная и сидѣла за столомъ; я здоровалась со всѣми, въ томъ числѣ и съ Соней;

тетенька еще не вставала: она всегда пила чай гораздо позже. На меня никто не обращалъ вниманія, будто меня и не было. Тяжело пилась мнѣ чашка чаю и уже я начала серьезно раскаяваться въ своей шалости. Когда я кончила, Соня сказала мнѣ:

— Иди же играть, — ты свободна.

Лида засмѣялась и то же сказала:

— Соня, она уже такъ много знаетъ, что ты прекрасно сдѣлала, освободивъ ее навсегда отъ ученья.

Я не совсѣмъ-то дружелюбно взглянула на Лиду. Не скажи она этихъ словъ, — я бы бросилась цѣловать Соню и просить прощенія, а теперь я съ досадою пошла изъ залы и сѣла въ уголъ. Черезъ нѣсколько времени вошла тетя, я встала поздороваться: какъ не ласково она меня поцѣловала, — она, такая всегда тихая и вроткая!...

— Я слышала, Катя, начала она, что ты больше не будешь учиться... Поздравляю тебя, — ты должна быть довольна этимъ.

— Мнѣ совсѣмъ этого не хочется, отвѣчала я: — и я бы желала сейчасъ же сѣсть за урокъ.

— Ну, ужъ объ этомъ проси Соню. И — она прошла въ залу.